

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.
1917—1920.

ПЕТЕРБУРГЪ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1921

Памяти Н. А. Мѣдникова.

(† 26 октября 1918 г.).

30 ноября 1908 года на засѣданіи Восточнаго Отдѣленія Археологическаго Общества, посвященномъ памяти бар. В. Р. Розена, Н. А. Мѣдниковъ начиналъ свою характеристику дѣятельности покойнаго ученаго словами¹: «Полной и всесторонней его оцѣнки... можно ожидать... лишь въ будущемъ, когда явится возможность сопоставить труды покойнаго не только съ трудами его предшественниковъ и современниковъ, но и съ тѣмъ, что дастъ послѣдующее поколѣніе арабистовъ». Къ сожалѣнію, событія послѣднихъ лѣтъ слишкомъ быстро приближаютъ эту возможность: востоковѣдамъ приходится подводить итоги на нашихъ глазахъ гораздо чаще, чѣмъ это было бы желательно для остающихся въ живыхъ, и значительно ранѣе, чѣмъ этого требуетъ нормальное развитіе отдѣльной научной области. Уже въ 1910 году скончался старѣйшій ученикъ бар. Розена в области арабистики бар. Д. Г. Гинцбургъ, въ началѣ прошлаго года мы лишились его старѣйшаго ученика по ново-персидской литературѣ В. А. Жуковскаго, а 26 октября не стало и преемника бар. Розена по кафедрѣ Н. А. Мѣдникова, единственнаго, и можетъ быть, послѣдняго въ Россіи доктора арабской словесности. Извѣстіе объ этомъ могло дойти до Петрограда только 12 января: Н. А. скончался въ Старомъ Крыму Таврической губерніи, гдѣ онъ жилъ съ лѣта 1917 года въ надеждѣ поправить свое здоровье. Однако, и южный климатъ этой поправки не принесъ: онъ продолжалъ угасать и тамъ, какъ угасалъ за послѣдніе годы на нашихъ глазахъ въ Петроградѣ. Его смерть не была неожиданностью, но ее несомнѣнно ускорили тревоги послѣдняго времени, матеріальныя затрудненія, лишеніе пенсіи,

¹ Зап. Вост. Отд. XVIII, прилож., стр. 1.

которая казалось давала надежду на отдых послѣ 30-лѣтней скромной, но добросовѣстной работы.

Мѣдникова трудно назвать представителемъ младшаго поколѣнія сравнительно съ бар. Розеномъ: онъ былъ только на шесть лѣтъ моложе своего учителя и родился въ С.-Петербургѣ 2 марта 1855 года. Однако обстоятельства его жизни сложились такъ, что онъ поступилъ въ Университетъ сравнительно поздно, когда черезъ руки бар. Розена прошелъ уже не одинъ курсъ арабистовъ. Съ поступленіемъ въ Университетъ закончился первый періодъ въ жизни Мѣдникова, — очень мало похожій на его дальнѣйшую жизнь, обычную для кабинетныхъ работниковъ Россіи до послѣднихъ лѣтъ — періодъ разнообразный, даже временами бурный, на которомъ намъ нѣтъ нужды останавливаться подробнѣе. Достаточно отмѣтить, что въ бѣльшей части онъ прошелъ заграницей; среднее образованіе Мѣдниковъ получилъ преимущественно въ Швейцаріи въ Collège Cantonal Лозанны, много путешествовалъ по западной Европѣ, увлекался и живописью, и астрономіей. Французскій и итальянскій языкъ были для него родными: даже вернувшись въ Россію, Н. А. нѣсколько лѣтъ не могъ отучиться думать по французски. Въ Университетъ онъ поступилъ вольнослушателемъ по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду Факультета Восточныхъ Языковъ. Вліяніе личности и специальности бар. Розена не замедлило сказаться: интересъ Н. А. направился в сторону арабскаго языка и въ 1887 году онъ кончилъ курсъ съ золотой медалью за сочиненіе по арабской словесности¹. Направленіе его дальнѣйшей дѣятельности опредѣлилось само собою: онъ былъ оставленъ при Университетѣ бар. Розеномъ, который въ это время за выходомъ въ отставку проф. Гиргаса былъ уже единственнымъ представителемъ каѳедры. Нормальнымъ порядкомъ проходилъ Н. А. обычные для русскаго университетскаго преподавателя этапы: в декабрѣ 1889 года онъ выдержалъ испытаніе на степень магистра, 26 марта 1890 года по прочтеніи пробныхъ лекцій² былъ зачисленъ въ приватъ-доценты и съ осени сталъ вести преподаваніе, 28 января 1901 года защитилъ диссертацию на степень магистра арабской словесности, 24 апрѣля назначенъ и. д. экстраординарнаго профессора, 1 декабря 1902 года защитилъ диссертацию на степень доктора, съ 25 марта 1903 года назначенъ ординарнымъ

¹ См. Списокъ работъ, № 2. Въ дальнѣйшемъ для краткости работы указываются подъ номерами въ скобкахъ.

² На темахъ, повидимому, не сказались еще спеціальныя интересы Н. А.: первая лекція по назначенію факультета носила заголовокъ: «Объ арабскомъ географическомъ словарѣ Якута» и была прочитана 27 февраля 1890 года, вторая — по собственному выбору «О возстаніи негровъ въ Басрѣ» 14 марта.

профессоромъ, 20 августа 1915 года получилъ званіе заслуженнаго профессора.

Тридцатилѣтняя научно-учебная работа не покрывается, конечно, этими внѣшними этапами: для нея характернѣе три періода, на которые достаточно отчетливо распадается вся дѣятельность Н. А. Въ первомъ, захватывающемъ почти 15 лѣтъ съ 1887 по 1902 годъ, онъ помимо университетской работы въ званіи приватъ-доцента стоитъ очень близко къ Православному Палестинскому Обществу. Этотъ періодъ является наиболѣе продуктивнымъ въ его работѣ — къ нему относится начало и окончаніе его главнѣйшаго труда, за это же время написаны наиболѣе крупныя статьи. Съ Палестинскимъ Обществомъ въ этомъ періодѣ онъ связанъ не только своей основной работой: избранный в мартѣ 1893 года пожизненнымъ дѣйствительнымъ членомъ Общества онъ принимаетъ близкое участіе и въ другихъ предпріятіяхъ. Вместе съ И. П. Помяловскимъ онъ редактируетъ русскую обработку карты Палестины, издаваемой Обществомъ, лучшей изъ всѣхъ существующихъ до настоящаго времени (№ 7); въ 1892 году участвуетъ въ Комиссіи по пересмотру программъ и инструкцій для учебныхъ заведеній Общества въ Палестинѣ и Сиріи, въ 1902 году — въ засѣданіяхъ педагогическаго съѣзда, главнымъ образомъ, при разработкѣ программъ арабскаго языка и литературы въ Назаретской учительской семинаріи и школахъ Общества. Не отказывается Н. А. и отъ черновой и кропотливой работы въ Обществѣ: изъ письма его къ В. Н. Хитрово 8 октября 1900 года¹ видно, что онъ просматриваетъ арабскіе переводы учебниковъ Ушипскаго и Евтушевскаго. Возникшія при Палестинскомъ Обществѣ въ 1900 году «Собесѣдованія по научнымъ вопросамъ, касающимся Палестины, Сиріи и сопредѣльныхъ съ ними странъ» тоже находятъ в немъ живой откликъ и онъ неоднократно выступаетъ на нихъ съ сообщеніями (№ 10, 15). Этотъ кружокъ является единственнымъ научнымъ обществомъ, въ которомъ Н. А. вообще принимаетъ дѣятельное участіе. Членомъ-сотрудникомъ Археологическаго Общества онъ состоялъ, правда, съ декабря 1890 года, но выступалъ здѣсь, насколько мнѣ извѣстно, только съ однимъ сообщеніемъ, посвященнымъ памяти своего учителя (№ 22); равнымъ образомъ въ «Запискахъ» имъ была помѣщена только одна небольшая замѣтка (№ 3) и двѣ рецензіи (№ 5, 6).

Связь Н. А. съ Палестинскимъ Обществомъ ослабѣваетъ послѣ 1902 года съ окончаніемъ его капитальнаго труда и назначеніемъ профессоромъ; новый періодъ, продолжающійся до 1908 года въ противополож-

¹ Хранится въ архивѣ Общества.

ность первому является наименѣ продуктивнымъ. Университетская работа при наличіи трехъ представителей каѳедры идетъ въ прежнихъ рамкахъ, въ научной—наступаетъ извѣстная реакція. Н. А. весь вылился въ трудѣ лучшей поры своей жизни и по окончаніи его не могъ уже взяться за другую крупную работу. За это время имъ напечатано только одно пособие (№ 17), отзывъ о студенческой работѣ на медаль (№ 18) и актовая рѣчь (№ 19). Последній періодъ въ жизни Н. А. съ 1908 по 1917 годъ является для него наиболѣе страднымъ и связанъ, какъ и предшествующій, исключительно съ Университетомъ. Смерть бар. Розена переносить на него большую часть обязанностей по каѳедрѣ, число лекцій значительно увеличивается, при чемъ много труда приходится тратить Н. А. на курсъ исторіи арабской литературы. Особенно трудными являются годы 1908—1910, когда каѳедра обеспечивается только двумя преподавателями. Съ облегченіемъ работы въ этомъ направленіи на долю Н. А. выпадаетъ другая обязанность: 15 сентября 1910 года онъ утверждается секретаремъ Факультета и несетъ эту должность по переизбранію въ 1914 году до самаго отъѣзда изъ Петрограда лѣтомъ 1917 года. Людямъ, знающимъ пунктуальность и аккуратность покойнаго, хорошо памятно, какой трудъ возлагало на него это дѣло. Въ этомъ же періодѣ ему приходится впервые давать отзывы о диссертацияхъ на ученые степени (№ 23, 24), трижды выступать оппонентомъ на публичныхъ диспутахъ¹. Съ 1909 по 1916 годъ онъ является безсмысленнымъ членомъ государственной испытательной комиссіи Восточныхъ Языковъ. Такимъ образомъ, не покажется преувеличеніемъ если сказать, что именно третій періодъ былъ наиболѣе труднымъ въ жизни Н. А.; не удивительно, что за послѣдніе годы, удручаемый своими болѣстями, онъ часто мечталъ объ отдыхѣ въ тепломъ климатѣ. Судьба не захотѣла послать ему этого отдыха на землѣ.

Научная дѣятельность Н. А. характеризуется воздѣйствіемъ одного лица и еще ярче одной книгой, которой были посвящены лучшіе годы его жизни. Изъ всѣхъ университетскихъ учителей, повидимому, одинъ бар. Розенъ имѣлъ на него длительное вліяніе. И для Мѣдникава, какъ и для многихъ другихъ, онъ явился *spiritus movens* всей научной жизни; съ исчезновеніемъ его исчезалъ и основной духовный импульсъ въ работѣ, какъ мы видѣли на примѣрѣ и болѣе сильныхъ, чѣмъ Н. А., натуръ. Благодаря указанію бар. Розена былъ предпринятъ и тотъ трудъ, который опредѣлилъ направленіе научной дѣятельности Мѣдникава. Работа надъ нимъ

¹ К. А. Иностранцева на степень доктора исторіи востока (16 марта 1908 года), А. Э. Шмидта — магистра арабской словесности (19 октября 1914 года) и И. Ю. Крачковскаго—тоже (17 мая 1915 года).

началась еще въ годъ окончанія Университета. Извѣстной подготовкой къ нему послужило медальное сочиненіе о царствованіи халифа ал-Мехдія по лѣтописи ат-Табари, тема котораго была предложена тоже бар. Розеномъ. Эта объемистая каллиграфически переписанная рукопись въ 150 съ лишнимъ страницъ in folio даетъ уже возможность предугадать тѣ качества, которыми отличаются позднѣйшіе труды Н. А. И здѣсь мы видимъ образцовый, почти безукоризненный переводъ арабскихъ текстовъ¹, острый и детальный анализъ отдѣльныхъ авторовъ, особенно въ выясненіи вопроса объ ихъ взаимоотношеніи, сопоставленіе ихъ показаній въ видѣ таблицъ, не мало помогающихъ наглядности выводовъ. На ряду съ такимъ тонкимъ анализомъ мы находимъ и сознательный отказъ отъ какихъ бы то ни было обобщеній или широкихъ выводовъ, на которые авторъ не считаетъ себя уполномоченнымъ самымъ состояніемъ матеріала и его разработки. Съ этимъ студенческимъ сочиненіемъ связана первая печатная замѣтка Н. А., посвященная одной монетѣ эпохи халифа ал-Мехдія (№ 3). Сочиненіе было закончено въ декабрѣ 1886 года, а уже въ «Отчетѣ Палестинскаго Общества», прочитанномъ на засѣданіи 18 апрѣля 1887 г., мы видимъ слѣдующія строки²: «Мы, благодаря содѣйствію бар. В. Р. Розена, положили основаніе историческимъ трудамъ о св. Землѣ собираніемъ мусульманскихъ свѣдѣній о завоеваніи ея арабами и объ отношеніяхъ ихъ къ мѣстному православному населенію за первый періодъ владычества ихъ Палестиной». Тотъ же «Отчетъ» въ 1898 году констатируетъ³, что съ осени заканчивается 11-лѣтній трудъ Н. А. Мѣдникова. Печатаніемъ работа была завершена только въ 1902 году и, такимъ образомъ, покойный посвятилъ на нее не меньше пятнадцати лѣтъ упорнаго и направленного къ одной цѣли труда, сравнительно мало отвлекаясь въ сторону. Въ результатѣ «Палестина отъ завоеванія ея арабами до крестовыхъ походовъ» составляетъ предметъ справедливой гордости какъ для Палестинскаго Общества, такъ и вообще для русской науки—западная Европа въ этой области не можетъ указать ничего равноцѣннаго. Едва ли составитель отчета Палестинскаго Общества за 1887 годъ или инициаторъ предпріятія В. Н. Хитрово, говоря о собираніи мусульманскихъ свѣдѣній, представляли себѣ ясно ту грандіозную форму, въ которую выльется это предпріятіе. Что могла дать западная наука этого времени, показывала появившаяся одновременно съ

¹ Ср. отзывъ бар. Розена въ «Годичный актъ Имп. С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1887 года», стр. 158.

² Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества за 1886—1887 годъ, СПб. 1888, стр. 183—4.

³ Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго Общества, апрѣль 1898 г., стр. 172.

началомъ работы Н. А. книга Guy Le Strange о Палестинѣ¹ — неумудренная компиляція по арабскимъ источникамъ, объединяющая свѣдѣнія безъ особой критики и безъ детальнаго изслѣдованія данныхъ. Уже самый объемъ не позволяетъ ихъ сравнивать: «Палестина» Мѣдника выросла въ 4 большихъ тома до 2800 страницъ даже при томъ условіи, что одна памѣченная часть осталась неосуществленной. По первоначальному плану работа должна была состоять изъ трехъ частей: «Обзоръ и изслѣдованіе источниковъ, переводы изъ сочиненій арабскихъ авторовъ (какъ приложение къ первой части) и связанное изложеніе исторіи Палестины за упомянутый періодъ». Уже самый ходъ работы потребовалъ перенесенія нѣкоторыхъ вопросовъ изъ предполагавшейся исторіи въ изслѣдованіе источниковъ; съ другой стороны, рецензенты справедливо указывали, что исторія потребуеетъ привлеченія помимо арабскихъ источниковъ и другихъ — какъ восточныхъ, такъ европейскихъ² — все это побудило Н. А., чувствовавшего себя на твердой почвѣ преимущественно въ арабской части, отказаться отъ первоначальнаго плана. Не можетъ быть, конечно, двухъ мнѣній о томъ, что и въ настоящемъ видѣ работа даетъ гораздо больше, чѣмъ можно было бы отъ нея требовать. Она распадается на двѣ части: вторая часть или «приложенія» въ трехъ томахъ даетъ переводы извѣстій о событіяхъ въ исторіи Палестины и положеніи христіанъ въ халифатѣ изъ 54 авторовъ преимущественно историковъ и географовъ, отчасти юристовъ; первая «изслѣдованіе источниковъ» даетъ сперва анализъ отдѣльныхъ писателей, выясняя ихъ источники, отношеніе другъ къ другу и степень достовѣрности, и затѣмъ «изслѣдованіе событій», то есть анализъ свѣдѣній различныхъ писателей относительно одного и того же событія для выясненія, въ достаточной ли степени они засвидѣтельствованы. Такимъ образомъ, исторія въ обычномъ смыслѣ слова мы здѣсь не имѣемъ; работа носитъ нѣсколько мозаичный характеръ, но за то даетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ монографій какъ историческихъ, такъ и историко-литературныхъ, изъ которыхъ многія представляютъ вполне самостоятельныя изслѣдованія первостепенной важности. Работа Мѣдника не только дала въ руки изслѣдователямъ въ исчерпывающей полнотѣ первостепенный сырой матеріалъ: послѣ ея появленія невозможно заниматься вообще какимъ бы то ни было вопросомъ палестинской исторіи за мусульманскую эпоху, въ особенности ранняго періода, не беря исходной точкой выводы этого труда. Мол

¹ Palestine under the Moslems. A Description of Syria and the Holy Land from A. D. 650 to 1500. Translated from the works of the mediæval Arab Geographers by Guy Le Strange. London 1890. 8° XXII+604.

² Ср. ЗВО, XV, 069.

опѣнка, не принадлежащая ни историку, ни изслѣдователю Палестины, не претендуетъ, конечно, ни какое бы то ни было значеніе, но она можетъ быть подкрѣплена болѣе авторитетными голосами. Кромѣ двухъ отзывовъ официального рецензента — бар. Розена мы располагаемъ еще двумя обстоятельными разборами: русскаго историка востока и западно-европейскаго изслѣдователя ранняго періода въ исторіи ислама. «Палестина» Мѣдника доставила ему обѣ ученыя степени и магистра, и доктора арабской словесности: магистерской диссертацией послужили три тома переводовъ, докторской — изслѣдованіе¹. Отзывъ бар. Розена о первой достаточно кратокъ и носить сдержанный характеръ². Подчеркивая полноту собраннаго матеріала и достоинство переводовъ, Розенъ отбѣиваетъ большую тщательность въ составленіи указателей, приобретающихъ значеніе важнаго справочнаго пособия благодаря включеннымъ въ нихъ библиографическимъ указаніямъ. Выводъ его при всемъ томъ официаленъ и даже снабженъ нѣкоторой оговоркой: «...я считаю его вполне достойнымъ быть признаннымъ за удовлетворяющую всѣмъ требованіямъ магистерской диссертации (работу), хотя онъ и не имѣетъ обычнаго характера диссертации въ тѣсномъ смыслѣ слова»³. О докторской диссертации отзывъ уже болѣе категориченъ: трудъ Мѣдника не вызываетъ возраженій ни въ одномъ изъ его выводовъ и на всегда сохранить непреходящее научное значеніе⁴. Въ конечномъ итогѣ съ нимъ совпадаетъ и мнѣніе рецензента «Записокъ» въ его обстоятельномъ разборѣ⁵: «Н. А. Мѣдниковъ не только имѣетъ право считать свою работу законченной, но далъ намъ, какъ мы видѣли, значительно больше того, что предполагалось исполнить по первоначальному плану предпріятія... Изслѣдованіе источниковъ было бы выдающимся явленіемъ въ историко-критической литературѣ по востоковѣдѣнію, даже если бы оно заключало въ себѣ только два этюда — этюдъ объ ат-Табаріи и этюдъ о договорѣ Омара съ христіанами; между тѣмъ,

¹ Не лишены интереса подробности о представленіи диссертации въ Факультетъ Восточныхъ Языковъ сообщаетъ Н. А. въ письмѣ В. Н. Хитрово 2 декабря 1900 года (въ архивѣ Палестинскаго Общества), но онѣ не могутъ стать еще достояніемъ исторіи.

² Рукопись въ протоколахъ засѣданій Факультета Восточныхъ Языковъ 17 января 1901 года.

³ Быть можетъ, въ связи съ этимъ выводомъ стоитъ одно примѣчаніе въ редактированныхъ Факультетомъ около этого времени «Правилахъ объ испытаніяхъ на ученыя степени» (Протоколы 6 октября 1900 г.): «Диссертацией по языкамъ и словесности признается не только научное изслѣдованіе въ тѣсномъ смыслѣ, но и всякая работа научнаго характера, какъ то критическое изданіе текста, перевода съ комментаріями, описаніе рукописей и т. под.»

⁴ Журналъ засѣданій Совѣта Имп. С.-Петербургскаго Университета за 1902 годъ, стр. 124—127.

⁵ ЗВО, XV, 1902—1903, стр. 056—069.

авторъ, путемъ тщательнаго критическаго анализа источниковъ, выясняетъ еще цѣлый рядъ другихъ вопросовъ» (стр. 069). Рецензентъ производитъ детальный анализъ труда съ точки зрѣнія полноты собраннаго матеріала, его распредѣленія, методовъ изслѣдованія и способовъ изложенія результатовъ послѣдняго (057). По второму пункту справедливо отмѣчается нецѣлесообразность раздѣленія писателей на двѣ категории— историковъ и географовъ (059), равно какъ распредѣленіе матеріала согласно хронологическому порядку сочиненій, а не ихъ первоисточниковъ (060). Рецензентъ, однако, признаетъ, что для возстановленія текста утраченныхъ первоисточниковъ «требовалось бы новое изслѣдованіе; авторъ далъ намъ такъ много, что едва ли кто-нибудь будетъ оспаривать у него право отказаться отъ этой новой работы, которая по сложности и обширности превосходила бы исполненную имъ» (061). Въ общемъ же онъ находитъ, что «главные выводы автора такъ подробно обоснованы, что спорить съ нимъ для неспеціалиста представляется совершенно невозможнымъ» (065). Какъ на деталь, заслуживающую вниманія, онъ указываетъ между прочимъ таблицы, сопоставляющія извѣстія различныхъ писателей объ одномъ и томъ же событіи: считая ихъ «однимъ изъ лучшихъ украшеній книги», рецензентъ подчеркиваетъ, что это—первый случай примѣненія такого метода въ историческихъ трудахъ, и выражаетъ надежду, что счастливой идеей воспользуются будущіе изслѣдователи (067). Не безынтересно по этому поводу отмѣтить, что идея нашла себѣ выраженіе уже въ упомянутой студенческой работѣ Мѣдника о халифѣ ал-Мехди и, повидимому, дѣйствительно принадлежитъ ему; съ другой стороны, оправдалась и надежда, что эта идея будетъ воспринята позднѣйшими изслѣдователями—систематичное примѣненіе ея мы находимъ въ капитальномъ трудѣ италіанца Caetani: «Annali dell' Islām», при чемъ очень часто въ основу кладутся изысканія Мѣдника.

Сопоставленіе отзывовъ двухъ ученыхъ — арабиста въ лицѣ барона Розена и историка — В. В. Бартольда, показываетъ, что русская спеціальная наука высказалась единогласно объ основномъ трудѣ Мѣдника. Его мѣсто въ научномъ строительствѣ определено вполне точно и едва ли по этому вопросу могутъ быть какія либо разногласія. Нельзя къ сожалѣнію не отмѣтить, что внѣ сферы специалистовъ въ Россіи работа далеко не пользуется той популярностью, которой заслуживаетъ. Невольно при этомъ вспоминается судьба труда барона Розена о Василии Болгаробойцѣ¹: обѣ работы составляютъ несомнѣнно эпоху въ своей области, каждая изъ нихъ

¹ Ср. Н. Марръ, ЗВО, XVIII, приложение, стр. 24—25.

является крупнѣйшимъ событіемъ въ изученіи христіанско-мусульманскаго міра въ Россіи за два послѣднихъ десятилѣтія прошлаго столѣтія и при всемъ этомъ не трудно встрѣтить русскихъ историковъ, которымъ они не извѣстны даже по имени. Возможенъ и такой курьезъ, что провинціальный ученый, обнаруживающій близкое знакомство съ работой Guy Le Strange'a о Палестинѣ, не знаетъ про существованіе труда Н. А.

Нѣкоторымъ утѣшеніемъ, хотя и грустнаго свойства, въ этомъ обстоятельстве можетъ служить тотъ фактъ, что работа Мѣдника въ противоположность труду его учителя вошла въ обиходъ западно-европейской науки уже черезъ пять лѣтъ послѣ своего появленія и при томъ съ такой оцѣнкой, которая не можетъ не составить предмета гордости для всѣхъ русскихъ ученыхъ; если самъ Н. А. не придавалъ оцѣнкѣ особаго значенія, то это объясняется его обычной, хорошо всѣмъ извѣстной скромностью. Заслуга въ ознакомленіи Европы съ «Палестиной» Мѣдника принадлежитъ италіанскому ученому — только что упомянутому conte Leone Caetani principe di Teano. Италіанскій языкъ какъ бы захотѣлъ оправдать тѣ симпатіи, которыя питалъ къ нему въ юности Н. А. Одинъ изъ выдающихся въ настоящее время изслѣдователей ранняго ислама графъ Caetani приобрѣлъ себѣ извѣстность въ противоположность большинству ученыхъ сразу и достаточно неожиданно съ 1905 года, когда выпустилъ первый томъ своего монументальнаго труда *Annali dell' Islām*, который долженъ дать сводъ всѣхъ матеріаловъ и всѣхъ предшествующихъ изслѣдованій по мусульманской исторіи, начиная съ 1 года хиджры. Скептическое отношеніе нѣкоторыхъ ученыхъ къ самой возможности выполненія такого плана въ условіяхъ человѣческой жизни встрѣтило появленіе этого труда; отчасти такой скепсисъ можетъ, конечно, сохранять свою силу и теперь. Однако, семь фоліантовъ, появлявшихся непрерывной чередой до 1913 года и включившихъ уже полностью эпоху двухъ первыхъ халифовъ, дѣлаютъ этотъ трудъ и въ настоящемъ видѣ однимъ изъ крупнѣйшихъ памятниковъ исторіи и арабистики за начало XX вѣка. Самъ Caetani, повидимому, не владѣетъ русскимъ языкомъ; однако, систематически организованная имъ коллективная работа, не останавливающаяся даже передъ научными экспедиціями на собственныя средства, дала ему возможность пользоваться «Палестиной» совершенно свободно. Обширныя выписки показываютъ, что у него имѣется въ распоряженіи едва ли не полный переводъ. Конечно, пока имъ привлечена только незначительная часть труда Мѣдника, захватывающая 23 года хиджры; за то нельзя указать ни одного факта изъ эпохи завоеванія Палестины, гдѣ Caetani не подвергалъ бы самому серьезному анализу изслѣдованіе Мѣдника, въ большинствѣ случаевъ примыкая къ

его выводамъ, иногда продолжая ихъ и крайнѣ рѣдко расходясь съ нашимъ ученымъ. Нѣтъ нужды останавливаться на всѣхъ деталяхъ, по поводу которыхъ онъ воздастъ должное работѣ¹. Я ограничусь только общей характеристикой труда Мѣдникава, данной Саетани въ одномъ изъ примѣчаній.

Говоря объ эпохѣ первыхъ арабскихъ завоеваній, въ частности о покореніи Сири и Палестины, онъ такимъ образомъ характеризуетъ состояніе европейской науки въ данной области: «Если сдѣлать должное исключеніе для трудовъ de Goeje, Wellhausen'a и Мѣдникава, то окажется, что всѣ европейскіе изслѣдователи этого историческаго періода съ такимъ крупнымъ интересомъ не поняли хорошо ни истинной природы проблемы, ни границъ, въ которыхъ она заключена, ни настоящаго приѣма при попыткахъ ея рѣшенія. Находя матеріалъ въ самомъ хаотическомъ смѣшеніи, полномъ вопіющихъ противорѣчій, которыя невозможно примирить, всякій на свой ладъ безъ точныхъ критеріевъ измышлялъ рѣшеніе, болѣе или менѣе счастливое, смѣшивая по капризу истинное и ложное и добавляя такимъ образомъ новыя ошибки къ тѣмъ, которыя уже находились въ источникахъ. Въ особенности, при объединеніи матеріаловъ, чтобы извлечь изъ нихъ изложеніе ясное и послѣдовательное, они выбирали тѣ извѣстія, которыя лучше подходили къ предполагаемому рѣшенію, по просту отбрасывая какъ несуществующія всѣ тѣ, которыя плохо комбинировались съ нимъ». Общая характеристика выделяемыхъ трудовъ дается имъ въ этомъ же мѣстѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ²: «Впервые de Goeje, а затѣмъ Wellhausen установили съ точностью относительную цѣнность различныхъ источниковъ. Въ этомъ специальномъ пунктѣ работа Wellhausen'a, быть можетъ, еще болѣе полезна, чѣмъ de Goeje; Мѣдникава во всякомъ случаѣ важнѣе обѣихъ предшествующихъ. Въ капитальномъ и объемистомъ трудѣ... Мѣдниковъ перевелъ на русскій языкъ всѣ отрывки арабскихъ авторовъ, которые относятся къ Палестинѣ отъ мусульманскаго завоеванія до Крестовыхъ походовъ, предпославъ имъ ученѣйшее введеніе, въ которомъ съ критикой детальной, острой и часто поистинѣ гениальной изучаетъ всѣ источники и историческія проблемы, выдвигаемыя ими. Въ этомъ изслѣдованіи, которое было для насъ въ высшей степени полезно и

¹ Ср. особенно т. II, стр. 1163—1169 (полководцы при походѣ въ Сирию), 1187—1192 (свѣдѣнія Сейфа о первыхъ сраженіяхъ въ Сири), III, 17 слл. (битва при Аджнадейнѣ «... выводы, основанные на детальнѣйшемъ анализѣ, въ высшей степени правильны»), III, 347 слл. (двѣ осады Дамаска, особенно 351—352), 426—430 (взятіе Химса), 923—926 (путешествіе Омара въ Иерусалимъ: «Заключенія ученаго русскаго ориенталиста гениальны и убѣдительны») и мн. др.

² *Annali dell' Islam*, II, Milano, 1907, 562.

³ *Ibid.* 563, nota 4 и 8.

которымъ мы широко пользуемся вездѣ, онъ суммируетъ и подвергаетъ принципиальному и счастливому анализу все то, что было писано по этому вопросу. Работа его представляетъ эпоху въ изученіи арабско-мусульманской исторіи; такъ какъ она написана по-русски и очень немногіе могутъ ею пользоваться, мы сочли умѣстнымъ во многихъ мѣстахъ изложить его доводы, стараясь по возможности распространить результаты его изслѣдованій». Послѣ такого отзыва первокласснаго ученаго мнѣ — не специалисту, конечно, ничего не остается прибавлять. Можно только порадоваться за русскую науку, для призванія которой за рубежомъ трудъ покойнаго сыгралъ такую важную и не часто выпадающую на долю роль.

Остановившись подробнѣе на «Палестинѣ» — этомъ памятникѣ аеге регепіиус и для Мѣдникова, и для русской арабистики, я сравнительно немного скажу о другихъ его работахъ. Главнѣйшія изъ нихъ связаны съ эгиптъ же трудомъ, другія — съ дѣятельностью въ Палестинскомъ Обществѣ или обязанностями университетскаго преподавателя; сравнительно немного носятъ случайный характеръ. Среди первыхъ наиболѣе важны двѣ крупныхъ статьи, относящихся къ 1897 и 1901 году — Обѣ одномъ изъ источниковъ ат-Табарія (№ 11) и О грамотахъ Омара I христіанамъ Іерусалима (№ 15). Обѣ эти монографіи надолго сохранять непреходящее значеніе; выводы ихъ вошли въ общія чертахъ въ «Палестину» и справедливо могутъ быть признаны однимъ изъ важнѣйшихъ достиженій этой работы¹. Интересно еще разъ отмѣтить, что грамота Омара I, подложность которой впервые въ наукѣ была доказана Мѣдниковымъ; не вызвала сомнѣній у de Goeje въ его монографіи о завоеваніи Палестины: однако, во второмъ изданіи своей работы, вышедшемъ въ 1900 году, онъ уже признаетъ договоръ подложнымъ². Съ занятіями Палестиной связана статья Мѣдникова о завоеваніи Іерусалима персами въ 614 году (№ 10), дающая текстъ и переводъ одного арабскаго трактата. Не имѣя подъ руками самой рукописи, Мѣдниковъ долженъ былъ потратить не мало труда и остроумія на исправленіе малоудовлетворительнаго изданія французскаго арабиста. Въ болѣе совершенномъ видѣ на основаніи самой рукописи текстъ былъ впослѣдствіи переизданъ и изслѣдованъ Н. Я. Марромъ въ приложеніи къ его работѣ объ Антиохѣ Стратигѣ³. Съ дѣятельностью Н. А. въ Палестинскомъ Обществѣ связана его работа по редактированію карты Палестины (№ 7), переводъ одной кувчиской надписи, найденной въ Іеру-

¹ Ср. ЗВО, XV, 069.

² Ср. *ibid.*, 065.

³ Антиохъ Стратигъ. Плѣненіе Іерусалима персами въ 614 году, СПб. 1909, стр. 26—30, 74—77 и г—1.

салимъ (№ 13) и разборъ арабскихъ приписокъ въ греческой рукописи Евангелій (№ 14). Обѣ напечатанныя имъ рецензіи (№ 5, 6) посвящены работамъ, затрагивающимъ тѣ же вопросы, съ которыми ему часто приходилось сталкиваться въ «Палестинѣ».

Большая настойчивость и систематичность въ достиженіи намѣченной цѣли позволили Мѣдникову на 15 лѣтъ сосредоточить вниманіе почти исключительно на одной работѣ и предохранили его отъ увлеченій другими темами; и складъ научнаго характера, и внѣшнія обстоятельства не заставляли его разбрасываться, а поэтому число работъ, не подходящихъ подъ перечисленныя категоріи, сравнительно не велико. Нѣкоторый слѣдъ оставилъ онъ въ учебной литературѣ. Еще на студенческой скамьѣ имъ былъ составленъ примѣнительно къ курсу проф. В. Гиргаса «Конспектъ по исторіи арабской литературы» (№ 1), который можетъ служить образцомъ его терпѣнія и въ этомъ періодѣ: не имѣя возможности сразу его литографировать, Мѣдниковъ собственноручно переписалъ болѣе 10 экземпляровъ конспекта и пожертвовалъ ихъ въ библіотеку университета. Вслѣдствіи онъ былъ литографированъ и при бѣдности русской учебной литературы много лѣтъ служилъ пособіемъ для студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ. Такимъ же пособіемъ почти до второго десятилѣтія нашего вѣка оставалась литографированная подъ его наблюденіемъ студентами краткая грамматика, переиздававшаяся нѣсколько разъ (№ 12). Принималъ участіе Н. А. и въ переизданіяхъ «Арабской хрестоматіи для I-го курса» В. О. Гиргаса и бар. Розена (№ 4): имъ было переписано для литографіи второе изданіе¹ и прокорректировано въ печати третье. Въ 1904 году онъ выпустилъ цѣнное пособіе «Парадигмы глагольныхъ формъ арабскаго классическаго языка», представившее полезную новинку въ русской учебной литературѣ по арабистикѣ (№ 17). Къ категоріи работъ характера учебныхъ пособій можно отнести редактированный Мѣдниковымъ переводъ труда Авг. Мюллера «Исторія ислама» въ четырехъ томахъ (№ 8). Несмотря на нѣкоторые недочеты и промахи въ самомъ переводѣ, быть можетъ съ чрезмѣрной настойчивостью подчеркивавшіеся иногда въ спеціальной печати, этотъ трудъ для русской науки остается тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ для нѣмецкой въ моментъ своего появленія: лучшимъ сводомъ общаго характера по внѣшней исторіи мусульманскаго міра²). На немъ, можно сказать, воспитывались поколѣнія русскихъ востоковѣдовъ въ тече-

¹ Въ него были включены, между прочимъ, не вошедшіе въ послѣдующія изданія отрывки изъ Корана.

² Ср. слова бар. Розена въ ЗВО, VII, 331—332.

ніе 20 лѣтъ и свое значеніе трудъ сохраняетъ до нашихъ дней при отсутствіи другихъ пособій на русскомъ языкѣ.

По обязанности представителя каедры Мѣдниковымъ данъ былъ отзывъ объ одномъ студенческомъ сочиненіи, представленномъ на соисканіе медали (№ 18), и двухъ диссертацияхъ на степень магистра арабской словесности (№ 23, 24); по порученію Факультета онъ редактировалъ біографическій словарь бывшихъ студентовъ Факультета Восточныхъ Языковъ за 50 лѣтъ его существованія (№ 25), не законченный еще печатаніемъ.

Изъ работъ случайнаго характера¹⁾, помимо упоминавшейся уже небольшой замѣтки нумизматическаго характера (№ 3), и разбора арабскихъ магическихъ формулъ въ одномъ коптскомъ документѣ Казанскаго Университета (№ 16), остается только указать на актовую рѣчь въ 1907 г. «О причинахъ распаденія арабской имперіи» (№ 19) и характеристику научной дѣятельности бар. Розена, прочтанныю на засѣданіи Восточнаго Отдѣленія 30 ноября 1908 года (№ 22). Обѣ работы интересны, какъ единственныя, кажется, попытки у Н. А. болѣе широкихъ построеній въ области его спеціальныхъ занятій; въ характеристикѣ учителя у него съ большой яркостью отразилось, конечно, и собственное научное сredo. Большой мастеръ въ анализѣ деталей и точной формулировкѣ добытыхъ изъ нихъ выводовъ, Н. А. едва ли обладалъ дарованіемъ для широкихъ картинъ. У него не было симпатій къ такимъ построеніямъ и они плохо ему удавались. Рисунокъ и здѣсь получался опредѣленный и точный, по если можно такъ выразиться, слишкомъ элементарный. Соблазнительная простота и четкость формулировки сама говоритъ, что едва ли она соответствуетъ сложности историческаго явленія или исторической личности. Причины распаденія арабской имперіи едва ли исчерпываются тѣми немногочисленными факторами, которые съ обычной опредѣленностью² перечисляетъ Н. А. Та же опредѣленность и бессознательное упрощеніе чувствуются у него въ характеристикѣ научной дѣятельности бар. Розена. Глубоко благоговѣя передъ своимъ учителемъ и при его жизни и послѣ смерти, Мѣдниковъ считалъ его недостижимымъ идеаломъ для всякаго оріенталиста; однако, самый складъ его научнаго характера, ограниченнаго очень опре-

¹ Я не касаюсь тѣхъ работъ другихъ ученыхъ, въ которыхъ Н. А. принималъ участіе своими совѣтами, чтеніемъ корректуръ, просмотромъ переводовъ и т. д. (См. напр. А. Васильевъ, Византія и арабы, СПб. 1900, стр. VII и СПб. 1902, стр. VII).

² Стр. 10 (отд. отт.): «Это распаденіе произошло потому, что не оказалось въ имперіи безспорно господствующаго, единаго, единоплеменнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно многочисленнаго и дисциплинированнаго элемента, на который можно было бы опереться. Не было достаточно однороднаго и сплоченнаго ядра, которое могло бы задержать центробѣжныя стремленія окраинъ».

дѣленнымъ горизонтомъ, органически не позволяя ему охватить всю многогранную дѣятельность Розена въ полномъ объемѣ — она частью оставалась внѣ предѣловъ его зрѣнія и ему было трудно представить, что за этой линіей еще что-либо можетъ быть видно. Нельзя съ нимъ не согласиться, когда характеризую сферу дѣятельности востоковѣда, онъ пишетъ, правда не совсѣмъ удачно начиная фразу¹: «Для возведенія какой либо словесности на степень науки требуется собрать и привести въ извѣстность наличный матеріалъ; сдѣлать его общедоступнымъ посредствомъ изданій и переводовъ; наконецъ, всесторонне обслѣдовать его путемъ извѣстныхъ научныхъ приѣмовъ. Необходимы каталоги, изданія, переводы и изслѣдованія». Нельзя не согласиться и тогда, когда онъ дальше формулируетъ методологическіе приемы работы по этимъ четыремъ категоріямъ примѣнительно къ трудамъ бар. Розена. И при всемъ томъ чувствуется, что чего то въ этой характеристикѣ не хватаетъ: изъ нея вынуть самый нервъ, не уловлены тѣ черты, которыя отличаютъ работы Розена отъ трудовъ другихъ арабистовъ, быть можетъ не менѣе безукоризненныхъ по методичности. Простой и прямолинейный по самой природѣ научный складъ Н. А. не позволялъ ему уловить, по крайней мѣрѣ въ словѣ, очень сложной научной организаціи своего учителя.

Опредѣленность и простота мировоззрѣнія характеризуютъ научную дѣятельность Мѣдникова; едва ли не въ большей мѣрѣ эти черты опредѣляютъ и его преподавательскую работу. Она продолжалась 27 лѣтъ и основнымъ принципомъ Н. А. за это время было поддержаніе status quo ante — стремленіе вести дѣло строго въ тѣхъ рамкахъ, которыя были намѣчены бар. Розеномъ². Какъ и онъ, систематическихъ курсовъ Мѣдниковъ никогда не читалъ; единственное исключеніе представлялъ общій очеркъ исторіи литературы, которому по смерти бар. Розена онъ посвящалъ по его традиціи два часа, руководствуясь его же планомъ и лишь нѣсколько усиливая библиографическій характеръ. Свою задачу университетскаго преподавателя Н. А. видѣлъ исключительно въ изученіи языка, при томъ не въ лингвистическомъ смыслѣ, а лишь для пониманія текстовъ и точной ихъ передачи на русскій языкъ. Его лекціи сводились въ большинствѣ случаевъ къ разбору тѣхъ или иныхъ памятниковъ, съ очень краткими обыкновенно введеніями. Число лекцій въ зависимости отъ количества представителей

¹ ЗВО, XVIII, приложение, стр. 2—3.

² Это стремленіе иногда выливалось въ оригинальную форму: единственный разъ, когда Н. А. пришлось дать тему по арабской словесности для студенческой работы на медаль, имъ была предложена та же, на которую онъ самъ писалъ сочиненіе у бар. Розена.

каедры колебалось между 5 и 9-ью¹; тексты изъ году въ годъ оставались тѣ же, которые читались еще бар. Розеномъ. Первые семь лѣтъ (1890—1897) Мѣдникову приходилось вести элементарный курсъ арабскаго языка; изъ текстовъ излюбленными оставались всегда мелкіе фаблю и новеллы, которые онъ разбиралъ со студентами по хрестоматіи В. Ө. Гиргаса и бар. В. Р. Розена въ теченіе 27 лѣтъ, и исторія Абу-Ханнфы ад-Динавери (въ изд. проф. Гиргаса), доставившая матеріалъ для 15 студенческихъ поколѣній. Послѣ смерти бар. Розена къ Мѣдникову перешло на нѣсколько лѣтъ чтеніе Корана и поэтическихъ произведеній. Кромѣ этихъ, обычно повторявшихся текстовъ Мѣдниковъ изрѣдка читалъ со студентами, спеціально интересовавшимися арабскимъ языкомъ, своего любимаго историка ат-Табарп и нѣсколько разъ «1001 ночь». Въ смыслѣ перевода текстовъ, на который Н. А. обращалъ главное вниманіе при своихъ лекціяхъ, онъ былъ, можно сказать, художникомъ и любителемъ. Громадная практика, приобрѣтенная благодаря «Палестинѣ», позволяла ему почти всегда находить удачную форму; въ этомъ отношеніи его школа была очень полезна и поучительна для тѣхъ, кто умѣлъ оцѣнить эту сторону дѣла. Къ нему можно смѣло примѣнить тѣ самыя слова, которыя были имъ сказаны про бар. Розена въ его некрологѣ (№ 20): «Какъ преподаватель, В. Р. обладалъ рѣдкимъ умѣніемъ въ немногихъ словахъ дѣлать ясными и совершенно понятными для своихъ слушателей самыя трудныя и головоломныя арабскіе тексты. Руководителемъ онъ былъ не замѣнимымъ: заниматься подъ его руководствомъ было чистымъ наслажденіемъ».

Я не останавливался на первомъ періодѣ жизни Н. А., который имѣеть мало отношенія къ его научной дѣятельности; его личныхъ чертъ я коснусь лишь постольку, поскольку онѣ рисуютъ весь его обликъ. Какъ для ученаго, для него была въ высшей степени характерна скромность: онъ органически не любилъ говорить о своихъ работахъ, считая ихъ обычнымъ естествен-

¹ «Обозрѣніе преподаванія по Факультету Восточныхъ Языковъ» позволяетъ установить слѣдующіе 4 періода въ преподавательской работѣ Н. А. Съ 1890 по 1897 годъ (при 9 часахъ) имъ читались два курса: грамматика и чтеніе легкихъ текстовъ (6 час. на I курсѣ) чтеніе историческихъ отрывковъ и анекдотовъ (3 час. на II курсѣ). Съ 1897 года до января 1908 года (при 5 часахъ) первый курсъ былъ замѣненъ «Чтеніемъ исторіи Абу-Ханнфы» (2 часа на III курсѣ). Съ января 1908 года до осени 1912 года число лекцій опять увеличилось до 9, такъ какъ къ курсамъ предшествующаго періода прибавились лекціи на IV курсѣ: чтеніе поэтическихъ отрывковъ (1 ч.), чтеніе Корана (1 ч.) и исторія литературы (2 ч.). Съ осени 1912 года до весны 1917 г. за Н. А. оставалось 6 часовъ: «Чтеніе рассказовъ и анекдотовъ» (3 ч. на II курсѣ), «Чтеніе поэтическихъ отрывковъ» (1 ч. на IV) и «Исторія литературы» (2 ч. на IV). Курсы, объявлявшіеся имъ за два послѣднихъ года, фактически не читались по болѣзни и были распределены между двумя другими представителями кафедръ.

нимъ трудомъ—такимъ же нормальнымъ явленіемъ, какъ всё другія стороны жизни. Я помню его непритворное изумленіе и желаніе замять разговоръ, когда онъ знакомился съ хвалебнымъ отзывомъ Саетани о «Палестинѣ». И въ этомъ трудѣ онъ видѣлъ только взятый на себя долгъ, который надо выполнить какъ можно тщательнѣе. Сознаніе долга вообще регулировало всю его жизнь: Мѣдниковъ не любилъ «разбрасываться», не любилъ брать на себя обязанности, которыхъ завѣдомо не могъ нести такъ, какъ ему казалось нужнымъ, но всё возлагаемыя порученія старался выполнять по мѣрѣ силъ и разумѣнія, отодвигая свои личные интересы на задній планъ. Даже въ послѣдніе годы, когда здоровье начинало ему все сильнѣе измѣнять, при первой физической возможности, хотя бы съ несомнѣннымъ вредомъ для самого себя, онъ опять брался и за лекціи, и за секретарскія обязанности. Скромность и открытая натура вызывали у Н. А. рѣдкую въ наши дни незлобивость и доброжелательность по отношенію какъ къ коллегамъ, такъ и ко всѣмъ окружающимъ. Рѣзкій отзывъ о комъ-нибудь съ его стороны былъ почти немислимъ; также трудно было увидѣть его раздраженнымъ. Даже въ послѣдніе годы, когда внѣшнія событія такъ грубо нарушали установившееся и опредѣленное міровоззрѣніе, при первомъ проблескѣ онъ опять пріобрѣталъ свою уравновѣшенность, опять становился самимъ собою. Свѣтлый взглядъ на жизнь и поразительная нетребовательность помогли ему стойко перенести и послѣдніе мѣсяцы, когда съ изсякавшими средствами, больной, онъ былъ отрѣзанъ отъ окружающаго міра. Малѣйшія просвѣты въ видѣ случайно доставленнаго письма или проскользнувшаго извѣстія изъ Петрограда опять приводили его въ уравновѣшенное состояніе, опять обпаруживали мало извѣстную постороннимъ тонкость чувствъ и способность къ поэтическому настроенію, особенно когда всплывала старая симпатія къ астрономіи. Одна фраза изъ послѣдняго письма за двѣ недѣли до смерти могла бы, мнѣ кажется, послужить эпитафіемъ къ работѣ всей его жизни: «Встаю при зарѣ и ежедневно люблюсь восходомъ солнца, а пока еще темновато — на южной сторонѣ неба голубымъ алмазомъ искрится великолѣпный Сиріусъ, въ сравненіи съ которымъ находившася недавно недалеко отъ луннаго серпа Венера (الذی یرعى النجوم) казалась каплей расплавленнаго металла, спокойно сіяющая». Если на небѣ русской арабистика такимъ голубымъ великолѣпнымъ алмазомъ можетъ представляться дѣятельность бар. Розена, то все же и «Палестина» его ученика Н. А. Мѣдникова еще долгіе годы будетъ сіять каплей расплавленнаго металла со своимъ спокойнымъ ровнымъ свѣтомъ.

И. Крачковскій.